

ОЛЬГА АЛФЁРОВА

Родилась в 1966 году. Живёт в Таре. Автор краеведческих исследований, посвящённых истории города Тары.

В литературно-краеведческом альманахе «ТарЯнс» публикуется впервые.

СИБИРЯКИ ПОНЕВОЛЕ

В 2007 году в библиотеке Санкт-Петербургского издательства «Невский альманах» вышла в свет книга «Судьба репрессированного в письмах жене (1933–1937 гг.)».

Её авторы – отец и сын Смирновы¹, чья жизнь невольно оказалась связанной с нашим городом. Четыре года, с 1933-го по 1937-й, Александр Павлович прожил в ссыл-

ке в Таре, а его жена, Любовь Николаевна, и сын Игорь провели здесь три лета: 1934, 1935 и 1936 годов. Летом 1937-го решили не ехать, так как через полгода заканчивался срок ссылки, но судьба распорядилась иначе: 26 июня А. П. Смирнов был повторно арестован, а 7 сентября расстрелян.

Долгие годы письма Александра Павловича, отправленные из Тары в Ленинград, бережно хранились в семье Смирновых. В память о своих родителях через 70 лет после трагической смерти отца Игорь Александрович Смирнов опубликовал их под одной обложкой. В конце лета 2008 года один экземпляр книги при содействии общественной организации «Мемориал» появился в Тарской центральной районной библиотеке.

¹ ОБ АВТОРАХ:

Смирнов Александр Павлович (1908–1937). Родился в 1898 году в с. Творино Ярославской губернии в семье священника. В августе 1918 г. окончил полный курс Ярославской духовной семинарии, а в 1924 году – Ярославский университет по специальности учёный-агроном. Работал заведующим отделом полеводства на Ленинградской областной опытной станции. Весной 1930 г. решением комиссии по чистке совпарата был снят с занимаемой должности по 2-й категории без права занимать ответственные руководящие посты в течение 5 лет. После этого работал в Ленинграде старшим агроспециалистом в Институте реконструкции сельского хозяйства и по совместительству – учёным специалистом во Всесоюзном институте растениеводства (ВИР). В 1931–1932 гг. становится довольно известным специалистом в своей области, публикует несколько трудов, основной из них – «Курс кормодобывания применительно к условиям северной нечернозёмной полосы», написанный коллективом из 12 человек под его редакцией. Эта книга за один 1932 год выдержала два издания, став учебником. Второе издание вышло в свет тиражом 30 200 экземпляров уже после ареста автора 3 марта 1933 г. Постановлением тройки он был обвинён во вредительстве и приговорён к высылке в Западно-Сибирский край на 5 лет.

Отбывал ссылку в Таре, где четыре года занимал должность агронома-плановика в окружном земельном управлении, а по совместительству работал на опытном поле под Тарой, что позволило ему вновь вернуться к полноценной научно-исследовательской работе. Уже осенью 1933 г. его проект организации опытной станции в Таре был одобрен в краевом земельном управлении в Новосибирске и направлен на утверждение в Москву. В конце 1935 года благодаря настойчивости А. П. Смирнова решение об организации на базе опорного пункта в Таре сельскохозяйственной опытной станции вынес пленум Омского обкома, а с начала 1937 года после завершения процесса реорганизации станция начала функционировать.

Расстрелян в Таре 7 сентября 1937 г. Реабилитирован 29 апреля 1990 г. судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР за отсутствием состава преступления.

Смирнов Игорь Александрович (1923–2009). Родился 31 августа 1923 г. в Ярославле. Капитан 1-го ранга, учёный в области математического обеспечения автоматизированных систем управления, доктор военно-морских наук, профессор Ленинградской военно-морской академии и Санкт-Петербургской государственной академии методов и техники управления, поэт. Является руководителем авторских коллективов учебных пособий и учебников по вопросам управления, автором более 170 научных работ, многочисленных публикаций на исторические темы и 10 сборников стихов. С 1994 года – председатель военно-исторической комиссии в президиуме Совета ветеранов Тихоокеанского флота и Амурской флотилии. Автор исторической хроники «Русские военные моряки на Тихом океане», подготовленной к публикации его женой Э. И. Мальтеевой и изданной посмертно в 2011 году. С 1995 года – член Союза писателей России и Международной ассоциации писателей-баталистов и маринистов. Умер 7 июня 2009 г.

Хорошо помню тот августовский день, когда ко мне в читальный зал архива пришла Вера Николаевна Носкова и, с трудом сдерживая эмоции, рассказала, какая книга появилась у них в библиотеке! К тому времени она успела лишь бегло просмотреть новинку, и, конечно, её, энтузиаста тарского краеведения, в первую очередь интересовало, что там есть о Таре. «Это же энциклопедия Тары!» – и Вера Николаевна тут же рассказала мне о том, как подробно Александр Павлович описывает, что продаётся на тарских ярмарках, скрупулёзно указывая цены на товары и продукты, упоминает о появлении в городе радио, звукового кино, открытия городского театра и прилёте первого самолёта... Уже потом, при более внимательном прочтении писем, мы стали невольными свидетелями трагической судьбы прекрасной ленинградской семьи Смирновых, жизнь которых чудовищным образом оказалась связанной с нашим городом. По просьбе общественной организации «Тарский уезд» Игорь Александрович прислал в Тару 60 экземпляров книги, и все желающие смогли её приобрести.

Вера Николаевна не могла не связаться с Игорем Александровичем. «Не могу передать словами, как я был обрадован Вашим первым телефонным звонком и письмом, которое я многим показывал, – напишет он ей позднее. – Огромное спасибо Сергею Александровичу [Алфёрову] за статью в "Тарском Прииртышье". Её уже многие у нас читали и радовались не только ей, но и видом самой газеты. Успехов ей!»

Между нами завязалась переписка... В первую очередь нас, конечно же, интересовало, как сложилась судьба семьи Смирновых «после Тары». Думаю, что многим из тех, кто прочитал эту книгу, тоже будет интересно узнать об этом. Вот выдержки из письма Игоря Александровича:

«Что касается того, как сложилась моя судьба. По моему нынешнему разумению – счастливо, хотя, конечно, было всякое. Вехи моей биографии опубликованы в различных изданиях. Некоторые из них я посылаю. Но ведь дело не в вехах, дело в частностях.

В момент ареста отца мы жили в коммунальной квартире, где кроме нас проживало ещё семь семейств... Мама не работала. После ареста мама пошла работать в детский сад и трудилась там полторы или две смены. Одну комнату (большую) мы вынуждены были отдать, в ней поселился управдом (тогда у нас были такие). Жили мы, как мама говорила, "по средствам", удивляя некоторых жильцов тем, что мы всегда сыты и одеты. Мама это как-то умела. Она была убеждена, что отец ни в чём не виноват, хотя кое-кто в нашей квартире и тогда считал, что "что-то есть" и мама об этом просто не знает. Мы с мамой ожидали, что и нас когда-нибудь выселят из Ленинграда, но всё обошлось. В 1936 (или 1937) году семьёю Колобовых, которая жила рядом, после ареста мужа, работавшего в ВИРе, выселили в 24 часа. А у них было двое маленьких ребят, одному из которых не исполнилось ещё и трёх лет. Значительно позднее я думаю: почему нас не тронули? И пришёл к такому выводу: отца арестовали в 1933 году, тогда ещё не было распоряжения выселять семьи. Оно появилось только в 1934-м, после убийства С. М. Кирова.

Так мы благополучно прожили в Ленинграде до 1941 года. Единственное, что мне посоветовали ребята в школе, когда мы все переходили из пионеров в комсомол, в комсомол не вступать. Запомнилось: "А тебе это нужно? Будут спрашивать об отце. Ты что, без комсомола не проживёшь?" О моем отце все они знали, я этого не скрывал, а мама советовала писать об этом во всех анкетах, что я и делал всегда и везде. Однажды мне это помогло (я так думаю).

После школы я хотел поступать в архитектурный институт, но тогда мальчики не могли идти в гражданские вузы, всех забирали в армию. В своём (школьном) коллективе мы это часто обсуждали и в итоге поступали в военные училища. В марте 1941 года я подал заявление в Высшее военно-морское инженерно-строительное училище на фортификационный факультет и был зачислен кандидатом. 19 июня 1941 года у

нас был выпускной вечер, а 22-го началась война. 30 июня 1941 года мама с детскими учреждениями была эвакуирована из Ленинграда неизвестно куда. Я её провожал. До сих пор не могу забыть того, что творилось на Московском вокзале: расставаясь, рыдали и родители, и дети. Никто не знал, кого и куда везут.

Таким образом, я остался в Ленинграде один. На другой день прибыл в училище и был переведён на казарменное положение. Ждали своей судьбы, трудились на оборонных работах. В итоге части кандидатов, в числе которых был и я, было предложено подать заявления о поступлении в Тихоокеанское высшее военно-морское училище (во Владивостоке). Для принятия решения дали ночь времени и ленинградцев отпустили домой, сказав, что если они не согласятся, то будут направлены по своим райвоенкоматам. А в своём райвоенкомате я был признан негодным в пехоту и во флот (плоскостопие), и на меня были заготовлены документы в авиашколу в Читу. Это я знал. В авиации я служить не хотел, а Чита и Владивосток, по моим тогдашним понятиям, были одинаково далеки от Ленинграда. Я, как подавляющее большинство, написал заявление и 18 июля, затерев дверь в квартиру и оставив ключи соседям, ушёл из Ленинграда во Владивосток. 4 августа мы были уже там. Началось наше «оморячивание», а затем и занятия. Всего из Ленинграда нас прибыло 140 человек...

В училище писал много стихов, печатался в многотиражке, участвовал в художественной самодеятельности, имел за это две грамоты от командующего Тихоокеанским флотом. На 3-м курсе был вызван начальством и допрошен, почему я не член ВЛКСМ. Я объяснил. Мне сказали: "Какая чушь!" И рекомендовали вступить. Я вступил, а на 4-м курсе предложили вступить кандидатом в партию, что я и сделал. Меня приняли без вопросов.

А вот моего однокурсника, Юрия Ульянова, который подавал документы вместе со мной, исключили из училища. Мы все недо-

умевали: он имел первый разряд по шахматам, неплохо учился... Года два спустя мне удалось узнать причину: у него была примерно такая же ситуация с отцом, как и у меня, но при поступлении в училище он это скрыл. Вот когда я вспомнил слова мамы: "Не скрывай!"

Всю войну мы учились, ожидая наступления со стороны Японии... 29 марта 1945 года нас выпустили, оставив всех на Тихоокеанском флоте. Дальнейшие события описаны у меня в книге "Лейтенантское плавание", которую посылаю. После Тихоокеанского флота был Ленинград, куда еще в 1945 году вернулась мама, Балтика и Север. В 1954 году я поступил в академию, а после её окончания фактически в ней и остался на должности старшего преподавателя. Работал там с интересом, хотя тоже были разные моменты, в частности при защите докторской диссертации в 1974-1978 годах. Не хочу на них останавливаться. В 2001 году по этому поводу была статья в журнале "Морской сборник" (№ 4, с. 49), которая побудила меня издать брошюру "Бюрократия и МБ".

В 1978 году я ушёл в запас и с тех пор работал преподавателем в Ленинградском институте повышения квалификации работников промышленности и городского хозяйства по методам и технике управления. Он несколько раз менял свои названия, сохраняя аббревиатуру ЛИИТУ, существующую и по сей день. В конце ноября 2006 года я принял решение из него уйти (пришло некомпетентное, но амбициозное руководство), что и сделал, написав заявление об уходе по собственному желанию. Раз за три-четыре предлагали мне должность завкафедрой, проектора, начальника факультета. Но все они были не для меня. В этом смысле я был в маму: руководящих должностей я никогда не любил, да и остерегался. Мама за меня боялась всю жизнь, а я не хотел её огорчать...»

В одном из своих писем Игорь Александрович сообщал, что не все в его окружении одобрили выход книги «Судьба репресси-

рованного в письмах жене». И хотя поддержавших его было значительно больше, находились такие, кто спрашивал: «Зачем ты всё это издал?» А некоторые даже заявляли, что автор всё выдумал. Неоднозначно книга была воспринята и в Таре. В связи с этим по нашему предложению семьёй Смирновых были отсканированы и сохранены на диск оригиналы писем, чтобы любой желающий мог ознакомиться с ними в Тарском филиале Исторического архива Омской области. Кроме того, Игорь Александрович подарил архиву книгу со своей дарственной надписью, диском с записью её презентации, несколько фотографий и другие документы. Так возникла идея создания в Тарском архиве личного фонда А. П. Смирнова.

К сожалению, наша переписка оказалась очень непродолжительной. В мае 2009 года Игорь Александрович слёг и уже не смог прочитать последнее письмо из Тары. 7 июня 2009 года его не стало. Портрет отца до самой смерти стоял на его рабочем столе. Разбирая записи, родные нашли стихотворение, написанное им совсем незадолго до смерти, 3–7 апреля 2009 года. Отправляя его нам, жена Игоря Александровича Элеонора Измайловна Мальтеева написала: «Я хочу, чтобы Вам было понятно, как болела его душа. Какой же он был прекрасный сын!» Вот это стихотворение.

Воспоминание о городе Таре

Город Тара Омской области
мнёт столетья не спеша,
охраняя злаки доблести
на разливах Иртыша.

Летом жил он возле пристани,
как речные городки,
где всегда вещали истины
пароходные гудки.

Не умел тогда я хмуриться,
невелик и неумён,
бегал я по разным улицам,
не запомнив их имён.

Запускал на кромке города
змея с радостью слепой,
и коня любил, которого
отводил на водопой.

Я на нём, спеша за славою,
тайно много где бывал,
хоть порой спиной костлявою
зад до крови разбивал...

Вспоминаю место жаркое,
двух мальчишек-рыбаков,
что сидели над Аркаркою
и ловили чебаков.

Помню хлопоты дорожные.
Все их пережили мы,
увозя слова таёжные:
туес, чуни и пимы...

Город Тара Омской области,
о тебе я неспроста.
Здесь постиг я силу подлости
и бессилие креста,

вскрыл причины нелогичности
рассуждений мудреца...
Здесь закончилась трагически
биография отца.

Элеонора Измайловна поддержала нашу идею создания личного фонда. В течение 2010 года она прислала в Тару несколько бандеролей с документами. Это книги и брошюры А. П. Смирнова, изданные при его жизни, подборки газет и журналов, которые он читал, часть из них – с его статьями, личные документы и фотографии. Примечательно, что сохранились бумаги А. П. Смирнова, которые после ареста учёного в 1933 году остались в ящиках его стола и портфеле, несмотря на то, что во время войны в квартире жили совершенно чужие люди.

Сейчас благодаря стараниям Э. И. Мальтеевой в Тарском архиве имеется личный фонд А. П. Смирнова – человека, который, по её словам, хотел накормить хлебом Россию, у кого были самые светлые и благород-

ные помыслы, а в Тарской районной библиотеке – книги И. А. Смирнова, морского офицера, учёного, поэта и просто преданного сына своего отца. Среди них – поэтические сборники, в которых есть стихи, посвящённые памяти родителей, Александра Павловича и Любови Николаевны Смирновых – прекрасных людей, чья жизнь таким трагическим образом оказалась связанной с нашим городом.

Стихи И. А. Смирнова, посвящённые отцу и матери

Из родословной

И мой отец врагом народа
прослыл по воле подлеца...
С того трагического года
я так и вырос – без отца.
Спасибо маме: как награды,
вручала детскому уму:
– Кому-то это было надо...
Как я хотел бы знать: кому?

Она жила со скрытой болью
в квартире людной, городской.
Пришлось не меньше ей на долю,
чем той княгине Трубецкой,
Но, не сводя с бессильем счёты,
она внушала мне стократ:
– Отец всегда дышал работой,
он только в этом виноват,
с полей – в поля – вся жизнь земная
и больше – ни о чём другом.
Убеждена я, верю, знаю –
такой не может быть врагом...
Спасибо, мама!
Где ты, мама?
Ты так во всём была права!
Ты сберегла во мне упрямо
отца негромкие слова...
Он шёл размашисто, красиво,
по борозде, плащом пыля,
и говорил:
– Какое диво –
зазеленевшая земля...
И мне осталось удивленье,

до сей поры оно в душе.
Увы, не частое явление,
да и не модное уже.
И мне досталась сила веры,
та, без которой нет бойца,
и – подражанье пионера
принципиальности отца...

Война и мир
в различных сферах
меня пытали на излом.
Пришлось – среди волн крутых и серых
я плыл между добром и злом.
Враги шептали:
– Он бессилён.
Друзья подбадривали вслед.
Они врагов моих бесили.
Но ветры всё же пронесли
меня удачно мимо бед...
28.12.1980

Взлёт

Памяти отца

И всё же, очень может стать,
чтобы снега не замели,
порою нужно оторваться
от доброй матушки-земли
и над страдой воды и суши,
над мрачным скопищем могил,
взлететь туда, где светят души
людей, которых я любил...

И среди них, в межзвёздном беге,
отца наивная душа.
А кости маются на бреге,
«на диком бреге Иртыша»,
в одной из дьявольских копилочек,
тех, что досель не перечесть,
куда расстрелянных в затылок
швырять оказывали честь
тем желторотым и послушным,
и оболваненным хитро
функционерам гэпэушным,
имевшим рыхлое нутро.

О, безмянные солдаты
энкавэдэшных тайных рот,
нет, вы ничуть не виноваты,
скорей – совсем наоборот.

Вас вразумляли год от года
вышестоящие вокруг,
что вот он – лютей враг народа.
А на поверку вышло – друг!

На ту поверку из стрелявших
явиться мало кто успел.
И вас, и всех вышестоявших
в черёд погнали на расстрел

всё с той же метой – «враг народа»,
то в зной, то в холод ледяной...
И много лет, не зная брода,
волна катилась за волной,

за списком составлялся список:
«Всех расстрелять и доложить!»
Тускнели груды мёрзлых мисок,
им предстояло долго жить,

переходить в другие руки
и насыщать иные рты,
чтоб продлевать людские муки
до непроведенной черты...

Нельзя забыть времён тех, бывших.
Я убеждён теперь вполне:
не убивайте не убивших
на необъявленной войне,

чтоб жить, от совести не мучась...
А всех убийц наверняка
самих постигнет та же участь,
достанет Божия рука.

Осенние проводы

Вот и снова сентябрь. Ты опять
собираешься в Гродно,
в тот неведомый мне, но родной
по рассказам лесок...
Следопытам хвала. Юность чаще всего –
благородна.

Твой отец не пропал.
Просто – пуля пробила висок.

Был он верным бойцом.
Можешь батькой гордиться законно
и рассказывать внукам, и – даже –
поехать туда,
постоять у берёз, где держала рубеж
оборона,
опуститься в низину, где хлюпает
в кочках вода...

Что ж, я рад за тебя. Мне такая не светит
удача.
Хоть – заманчиво верить в наличие
разных чудес...
Мой отец потерялся... А как же тут
скажешь иначе?
Ночью вывели люди из дома отца и –
исчез...

Было мирное время. А может, нам только
казалось?
Шли тридцатые годы... Но память,
попробуй, сотри!
Сколь могуча жестокость!
А подлость? А трусость? А – зависть?
А – панический страх, поражавший
людей изнутри?

Как мы верили все в чистоту
призывающих к цели!
Не жалели себя! Подгоняли себя:
– Воплоти!
Где разведка была? Почему различить
не сумели
мы своих и чужих на стремительном
этом пути?

Остаются вопросы. Тебе-то,
наверное, проще...
Извини меня, друг, но от холмика –
всё на виду...
А во мне за полвека незримая
выросла роща...
Я тебя провожу. И – один – в эту
рощу уйду.

Я же должен куда-то...

Автобус приткнулся у бровки.
Выхожу – тишина. Облака, ветерок,
листопад.
И зелёный ковер... Да ведь это ж она,
Пискарёвка,
где герои Блокады и жертвы Блокады
лежат.

30.01.1985

* * *

Я звал тебя из дальней дали,
хотя и знал: надежды нет.
Сухие листья облетали,
и санный заметался след.

Гремели грозы, зной взрывая,
стада брели на водопой...
Я шёл и шёл в лугах без края
твоей любимую тропой...

А мир шумел, листая даты,
в нём всё менялось изнутри...
И мне хотелось, как когда-то,
воскликнуть:
– Мама, посмотри!..

И поделиться самым главным –
прозреньем нажитых седин...
Увы, одно мне стало явным,
что я один. Совсем один.

Невесть зачем тащу под Богом
привычный груз текущих дел,
кляня, что так с тобой о многом
я намолчатся не успел.

17.03.1996 – декабрь 1997